

Валерий ГАВРИЛИН

В каждой душе звучит музыка

Имя Валерия Александровича Гаврилина стало широко известно с появлением его вокального цикла «Русская тетрадь». Его творчество сразу же по достоинству и высоко оценил Дмитрий Шостакович, предсказав ему большое будущее. Так оно и случилось. Сегодня Валерий Гаврилин — один из ведущих композиторов. Его произведения отличаются мелодичностью, ярко выраженной русской напевностью, неотделимой от народных музыкальных традиций. Он лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола. Мы печатаем его размышления о назначении художника.

ПО МАТЕРИ я волжанин, по отцу — воложанин. Отец мой погиб в августе 41-го и похоронен под Ленинградом. Мои родственники живут в Череповце, Пензе, на Волге, на Урале. И все это громадное пространство — мой дом, где меня ждут и любят, где мне всегда рады. Это моя Россия, моя страна, мой советский народ. Он отогрел мое послевоенное сиротство, выучил, воспитал. Сейчас я живу, не производя самой важной и тяжелой человеческой работы — хлебной. Я живу без заботы о еде, тепле, свете, одежде — все за меня делает мой народ.

Я должник перед своей страной, и, может быть, должник нерадивый. Но мой народ добр и снисходительно прощает мне это, надеясь на мою совесть.

Когда кончилась война, в гости к нам зашел только что вернувшийся домой солдат. Он подарил мне огромное яблоко, первое в моей жизни. Южное яблоко, пропущенное в солдатском мешке на дальний Север. Радость моя от того, что войны нет и что на улице солнце, и что кругом все такие оживленные, и от того, что у нас в доме настоящий фронтвик и яблоко такое огромное и веселое, была так велика, что я не мог есть его. И я стал подходить к набившимся в дом людям, подносил каждому по очереди яблоко и просил: «На, откуси». И люди, хорошо понимая мое состояние, откусывали по маленькому кусочку и счастливо улыбались. И это было так хорошо, что я побежал на улицу и давал яблоко ребятам: «На, откуси». И все были счастливы, а я чуть ли не больше всех. Мне осталась сердцевинка с семечками, и это было ровно столько, чтобы существо мое не лопнуло от незнакомого прежде восторга. Так мой народ, моя Россия подарили мне высшее, как я после понял, откровение — отдавать.

Я композитор. Яблоко в моих руках — музыка, его сок — человеческая боль, вера, надежда, любовь, добро. И я дарю его людям, и я хочу, чтобы трапеза на музыкальном пирушке была всеобщей, братской. И чтобы музыкальная пища для всего нашего народа была простой, здоровой и полезной. В этом я вижу свой неоплатный и радостный долг советского художника.

Но как его отдавать, чтобы приняли? Вот вопрос, который мучает меня с годами все больше и больше. Я вижу пустующие залы в концертных залах современной музыки, мне снятся руки, выключающие радио, когда звучит современная соната или симфония, меня преследует недоуменный слушательский вопрос: «Чем вы, серьезные композиторы, занимаетесь?»

Прошлым летом в одной из деревень Вологодской области познакомился с со старым композитором Иваном Александровичем. Он позвал меня к себе в гости, показывал хозяйство, а в доме несколько смущенно, обводя рукой скромную обстановку, сказал: «Простите, на большее не работал».

Он умный, честный человек, всю жизнь отдавший земле, прошедший войну и хлебнувший много лиха в мирное время. Много знает, многое глубоко и тонко понимает, живут в нем добрая вера и печаль. Что называется, человек, умудренный жизнью. И речь его, ясная, простая, сердечная, свежая по краскам, как будто обдавала каким-то трепетным, волнующим светом, со всей силой передавая то богатство искреннего, выстраданного чувства, которым полилась душа этого человека, не ветхая, уходящая душа, а полносилная, чуткая душа моего современника. Его волновало то же, что и меня, он стремился познать мир так же, как и я; но вдобавок ко всему он меня всю жизнь кормил, и я обязан ему и тысячам таких Иванов Александровичей, которыми и полился и которыми держится наша земля.

Мы ведь уверяем, что одна из целей нашего композиторского искусства — познание мира. Почему же это наше познание не всегда интересно слушателям? Почему оно еще часто имеет такую мало-выразительную форму, которую не приемлет наш слушатель, находя ее малопонятной?

Главное условие творчества, по моему глубоко убеждению, — вера. Я верю в то, что самое главное в жизни — достижение братства людей. Именно этой мыслью, этим стремлением пронизана жизнь советских людей с самых первых дней Октября. Это девиз нашей партии и нашего искусства. Познать мир нужно, без этого не может обойтись ни одно искусство, но познать нужно в первую очередь самое важное для людей, то, что способно их объединить, а не наоборот, и делиться этим с людьми. Искусство может не только объединять, но и разъединять людей, оно может служить не только всему человечеству, но и отдель-

ным группам, полагаящим себя выше, чище, цельнее и значительнее всего человечества. Искусство — средство передачи чувств. Если чувство не передается — искусства вообще нет. А искусство должно служить народу, учит нас партия, пробуждать и воспитывать в человеке лучшие чувства.

Но ведь и музыкой можно передавать чувства разные — не только добрые, но и дурные, жестокие, эгоистические, развратные, пустые. Подлинно новое, смелое чувство прежде всего чувство ясное, а потому понятное. Это и есть познание жизни. Если же непопулярность нашей академической музыки, эта ужасная ее болезнь все не проходит, то причина этой болезни, по моему мнению, прежде всего в отрыве средств выражения от предмета выражения.

А ведь учили нас нашему делу не для того, чтобы мы усиленно трудились для искусства ради искусства, а ради того, чтобы мы смогли наконец объясниться на языке музыки с беспрецедентным многомиллионным слушателем, какого не имел ни один композитор до нас, и чтобы заделали наконец мы брешь, которая в течение нескольких веков отделяла подлинных хозяев музыки — народ — от профессионального музыкального творчества. Но мы предпочитаем судить о потребностях широкого слушателя только по популярности наших эстрадных звезд, порою с большим мастерством внедряющих в сознание людей чувства, далекие от здоровых...

И вина в этом прежде всего наша: мы, понимая и видя это, еще крайне мало делаем для поворота музыкального сознания масс в добрую сторону. Мы порой прячемся за пространные речи о сверхвысоких задачах искусства, которыми где-то, в бесконечно далекой бесконечности, кто-то зачем-то заинтересуется, и сидим среди моря унылой эстрады, сердито критикуя «ограниченность» публики и ее нечувствительность к новым идеям.

Но разве идеи Савонаролы или Кампанеллы были убоги, старомодны? Разве 37-летний Горький, которого на руках носила Америка и Италия, был безнадежно устаревший ретроград? Нет, нет и нет. Идеи этих людей, чувства, внушаемые ими людям, были смелы, богаты, значительны, новы, и были ясно, просто и искренне переданы людям. Оттого они и овладели человеческими сердцами.

Конечно, не всем дано быть такими, как Горький, но пример работы должен быть постоянно с нами. Главное — знать свой народ. Профессия композитора такова, что непосредственная связь его с народом очень ограничена. Живых людей мы еще порой видим редко и знаем мало. В прошлое уходит прекрасное соединенное композитор — артист (пианист, скрипач, дирижер, хормейстер, певец, органист и т. д.), когда художник непосредственно и полностью несет ответственность перед публикой и начинает больше заботиться о жизнеспособности своих сочинений.

Считается очень хорошо, когда композитор использует в своих сочинениях старорусский фольклор. В этом видят любовь к народу и выражение его души. На самом деле это не всегда так. Обращение к фольклору не панацея от бед, и на основе народного материала бывают сочинения серые, невыразительные, бестолковые, лживые и совершенно лишенные всякого национального характера, если опять же нет знания живых людей, живых страстей и ощущения той взаимосвязи, в которой находятся эти «люди и страсти» со своим музыкальным выражением. Нужно знание живого фольклора, не оформленного еще ни в эпос, ни в сказание, ни в песню.

Для этого нужно больше жить среди трудящегося народа, чтобы освободиться от рамок кабинетного мироощущения, подобно тому, как жилали наши писатели, знатоки народной души Г. Успенский, Н. Лесков и многие другие. Не у каждого из нас происходит быстрое накопление материала и идей — нужно мужество сознаться себе в этом и не браться за очередную работу, не накопив достаточно отборного, подтвержденного жизнью и человеческой природой материала. Если тебе не дано сделать много и хорошо, лучше сделать меньше, но лучше. Заработок от музыки — средство жизни композитора, и никогда не должно делать его целью.

И ЕЩЕ ОДНО, очень важное, когда со сцены или эстрады композитор или артист проповедует одно, а в жизни живет, проявляя совсем другие, нелучшие стороны своей натуры. Именно поэтому случается, что сфера художественного творчества бывает окружена ситуациями, где воистинно сияют непомерное самолюбие, корысть, зависть, стяжательство, лесть, неоправданно раздутые амбиции. И это наносит искусству непоправимый вред.

Давно известно, наша советская жизнь явила миру непревзойденные образцы человеческого характера, мужества, самопожертвования ради людей, коллектива, народа, величайшие образцы бескорыстия, совести, героизма. Гармония добра, нравственного поведения, стойкого служения людям во имя наших идеалов — сколько таких примеров в нашей жизни.

По этому прекрасному пути прошел свою нелегкую жизнь творец величайшего из искусств — педагогики — А. С. Макаренко, философ, труженик, призвавший на помощь своему делу все музы — театр, живопись, музыку, причем не в дешевых, упрощенных видах, а в самых богатых и сложных. Именно так работает теперь выдающийся продолжатель макаренковского дела И. А. Зюзюм, педагог, блестящий организатор, ректор Полтавского педагогического института. Воспитание искусством — в основе его системы. Человек, не способный петь, рисовать, танцевать, не сможет быть студентом Полтавского института, не будет учителем.

Высочайшие нравственные установки в союзе с высоким искусством воспитывают здесь личность педагога — личность целостную, а это серьезный залог гармоничного развития наших будущих поколений. В Ленинграде педагог Е. А. Линд со своими учащимися создал школьный музей «А музы не молчали». Сам Е. А. Линд — человек удивительной, могучей духовной силы, и его создание под стать ему. Судьбы людей прославленных, известных, которых объединила любовь к добру, вера в торжество разума даже во времена разгула безумия, дают посетителям музея незабываемый нравственный урок, возвышают каждого без исключения — и искусственного деятеля искусств, и начинающего жизнь учащегося ПТУ. Вечера встреч, проводимые Линдом, — подлинное очищение души, потрясение.

Я не случайно говорю о педагогах. Во-первых, это личности, чей внутренний мир созвучен, по моему убеждению, гармонии мира, для которых искусство не полин, не нарост, не дорогое украшение, от которого при нужде можно освободиться, как от перстня или сережек, а составная часть существа, невынимаемая, сросшаяся, как живое с живым, с нравственностью свободной, независимой, не подвластной темному, суевверному поколению берунов, влюбленному в тряпки, деньги, славу. Во-вторых, это люди — воспитатели юности, нашего будущего. А ведь человек человеку прежде всего — воспитатель, вольный или невольный, плохой или хороший. Любой человек, в том числе и художник.

В-третьих, все, что делали и делают эти люди, делается исключительно своими руками, без дотации, субсидий, материальных выгод. Это последнее особенно сближает форму существования этой художественной деятельности с народной, потому что ставит всех в равное положение перед искусством, где каждый участник дела — сам собиратель, сам обслуживающий персонал и чернорабочий, сам себе суворый критик и представитель руководства.

В КАЖДОМ УГОЛКЕ есть удивительные, интересные и самобытные люди, украшенные многими достойными делами, и глубокой пылливой мыслью, и сильными, добрыми чувствами. И нужно, чтобы в каждом уголке развивалось свое искусство, чтобы побеги от корня народной духовности всходили не только в Москве и Ленинграде, а всюду, где только корень этот есть. А есть он повсюду, только надо его увидеть, взлелеять, взрастить, чтобы он дал прекрасные плоды.

Как-то я выкорчевывал деревце сливы и был поражен причудливостью и сложностью его корня, множеством ответвлений, шупальцев и их длиной. Они расходились по всем направлениям и отовсюду собирали и несли дереву живительные соки. А во многих местах от корня пробивались новые ростки. То была корневая система небольшого деревца, а какова же она у всего народа? Корень, пока он в состоянии питаться, неистребим... Круг духовных интересов подавляющего большинства народа, не в безвкусице, эклектизме и убогом физиологизме многих эстрадных звезд, а в гармоничной жизненной необходимости, кровно насыщенной, как сам ток крови, как рост деревьев, как работа мысли, как свет. В моем представлении такая гармония труда полевода Терентия Мальцева и композитора Георгия Свиридова. Их поиск, их боль, их радость, их счастье — все рождено народной жизнью, тонким и точным знанием ее, и все выстраданное, открытое, преумноженное воплощено в творчестве.

Два мыслителя, два художника — они создали старое, как мир, — создали гармонию человека и природы, создали путь к братству. И мальцевская вспашка, и первозданность свиридовских кантат кажутся мне чудными звуками одной стройной гармонии, которую предстоит еще постигать и постигать... Но какое счастье, что есть у кого учиться, есть чем питать собственное творчество... Есть над чем трудиться не покладая рук...

...Я композитор. Яблоко в моих руках — музыка, его сок — человеческая боль, вера, надежда, любовь, добро. Вернее, я хочу, чтобы оно было таким. Это пока все еще мечта, неуемное желание, устремление в будущее... Как ни жаль, оно еще бедновато — мое яблоко. Мой некончаемый долг — напитать его. Эта мысль тревожит меня, будит мое воображение. В ней забота о единстве, неразрывности жизни, музыки и творчества, в ней жажда постигнуть тайны мироздания, тайны мастерства, вдохновения... И только тогда дарить свое яблоко...